

Валерия Алфеева

Священный Синай

Валерия Алфеева
Священный Синай

Торговый Дом "Познание"

2022

УДК 281.97:82-31
ББК 86.372-84(2)6

Алфеева В. А.

Священный Синай / В. А. Алфеева — Торговый Дом "Познание",
2022

ISBN 978-5-6044876-6-2

Эта книга — о паломничестве в древний монастырь св. Екатерины на горе Синай. Зримо, ярко переданные впечатления воскрешают в нашей памяти события Священной истории, судьбы великих святых, пророков, отшельников. Прошедшая и современная жизнь монастырей, библейские образы раскрываются в их непреходящем значении, в их вечной реальности, которая освящает наши души и восстанавливает разорванную связь времен. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 281.97:82-31

ББК 86.372-84(2)6

ISBN 978-5-6044876-6-2

© Алфеева В. А., 2022

© Торговый Дом "Познание", 2022

Содержание

Таинство встречи	6
Эйлат – Залив Акаба – Санта-Катарина	15
Базилика Преображения	23
Неопалимая Купина	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерия Алфеева

Священный Синай

© Алфеева В.А., текст, 2022

© Издательский дом «Познание» оформление, 2022

© Калинин М.Г., предисловие, 2022

Таинство встречи

Книга, которую вы держите перед собой, принадлежит автору, возродившему в России жанр «паломнической повести». В русской литературе этот жанр насчитывает больше девяти веков – именно столько времени прошло после паломничества игумена Даниила (1104–1106), которое он увековечил в своём «Житии и хождении». Однако истоки этого жанра ещё глубже. Устремясь к этим истокам вверх по течению, мы остановимся в IV в. – времени торжества христианства, золотом веке святоотеческой письменности и, вместе с тем, периоде ожесточенных вероучительных споров. Однако наш путь приведёт не к церковному иерарху и не к дидаскалу богословской школы, а... к благочестивой и бесстрашной женщине, чья вера побудила её преодолеть тысячи километров по западной и восточной частям Римской империи.

Эта женщина – её имя дошло до нас в разных вариантах: Эгерия или Этерия – первая известная нам церковная писательница. Вероятно, она не рассчитывала на такую участь: она создавала не повесть, а письмо, предназначенное для круга близких людей. Судьба этого текста оказалась иной: «Паломничество» Эгерии – незаменимый источник, открывающий нам мир древней Церкви.

«Священный Синай», как и «Джвари» (первая повесть Валерии Алфеевой, написанная в этом жанре) в чем-то повторяют путь письма Эгерии, становясь явлением большим, нежели рассчитывал автор. Произведения Валерии Алфеевой открыли христианство тысячам наших соотечественников. Многие обрели Библию по этим повестям. Размышления автора, насыщенные словами пророков и апостолов, учили читателей обращаться со словом, которое само по себе казалось закрытым и пугающим.

Прошло время, и мир Библии перестал быть столь же закрытым, каким он был в 80-е и даже в 90-е годы. Найти тексты Священного Писания не составляет труда, широко доступны комментарии на них. Пришло время прочесть паломнические повести Валерии Алфеевой с новой стороны. Эти повести вводят читателя в ту область, где он учится созерцать.

У прп. Исаака Сирина в его рассуждении о молитве есть такие слова: «Чистая молитва... есть блуждание...». У христианина, воспитанного на наставлениях свт. Игнатия (Брянчанинова), возникнет вопрос: как молитва может быть «блужданием»? Дело в том, что оригинальное сирийское слово обозначает не только блуждание мыслей, и но и блуждание странника, дом которого – у Бога. Пока мысль не достигнет полного успокоения в Боге, говорит Исаак Сирин, её можно направить по пути Писания. Когда человек пытается понять замысел Божий, сокрытый за словами Библии, и тем самым обретает библейский взгляд на вещи, его молитва всё меньше страдает от обид и воспоминаний, которые пытаются в неё вторгнуться. Его мысль странствует по образам Писания: она всё время в движении, как и свойственно уму человека, но это движение не расточает её, а собирает ей вечное сокровище.

«Священный Синай» – это опыт человека, который стремился пройти путём странствования в обоих его смыслах, телесном и духовном. Преодолевая физические трудности и культурные преграды, соприкоснувшись с пустыней лицом к лицу, автор повести не только пережил опыт свободы (урок, которого многие искали у пустыни), но и обрёл библейский взгляд на пространство и время. Синай – это место двух величайших откровений Ветхого Завета: здесь Бог открыл Моисею Своё имя (Исх. 3:15), здесь Он дал народу заповеди (Исх. 20:1–17). Человек, побывавший здесь, уже не забудет встречу с библейской землёй. Но Валерия Алфеева вынесла отсюда нечто большее: острое переживание того, что в каждый момент жизни твоё сердце – это и есть библейская земля.

Шаг за шагом читатель учится заглядывать между строк Писания и находить библейские строки между повседневными образами. В настоящем издании повести этот её эффект, очевидный для внимательного читателя, усилен многочисленными библейскими подписями к

иллюстрациям. Странствие от великолепных иллюстраций (многие из них впервые публикуются на бумаге) к библейским словам и обратно, сосредоточение над образами, которые раньше оставались незамеченными, – это сама по себе школа размышления над Библией. И результат этой школы не предreshён, здесь нет суммы знаний, как в школьном учебнике: каждый вынесет отсюда то сокровище, которое он найдёт на собственной тропинке.

Писательнице удаётся погрузить читателя в то состояние преодоления себя, которое было её постоянным спутником во время восхождения на Синай. И «изнутри» этого состояния читатель переживает вместе с автором богословское прозрение. Преодолевая собственную слабость, человек постигает божественный замысел о себе: не путём рационального умозаключения, а «изнутри» волевого усилия. Эта мысль, которую я впервые открыл для себя в текстах прп. Исаака Сирина, выражена в повести Валерии Алфеевой с особенной художественной убедительностью.

Валерия Алфеева устраивает встречу русского читателя с одним из столпов христианской аскетики – прп. Иоанном Лествичником. Святой Иоанн широко известен (во всяком случае, у всех на слуху его «Лествица»), но насколько суровым и неприступным он кажется на фоне отцов, писавших об опыте переживания Божественной любви и красоты (и преподобного Симеона Нового Богослова, и сирийских авторов)! В повести же приоткрыта его благородная, сдержанная красота, за которой таится столь же глубокий опыт радости. Опыт, сокрытый за отточенными словами, подобно тому как сам подвижник скрывался от собеседования с людьми за суровыми синайскими глыбами.

К концу путешествия автор подводит нас к главной богословской мысли повести: личность человека – это божественная тайна, и общение людей – это приобщение тайне. Эти слова могут показаться излишне торжественными, но стоит попробовать применить их как руководство к действию, чтобы убедиться в том, сколько открытий мы можем сделать в собственной повседневности. Серые, отстранённые лица прохожих; привычные лица близких; бытовые фразы, за которыми мы не ожидаем ничего нового. Выстраивая отношения с людьми, мы создаём внутри себя образ другого человека – и потом болезненно переживаем, что этот образ не соответствует действительности. Совсем другое переживаешь, когда относишься к неизвестным тебе сторонам личности как к божественной тайне. Сначала трудно поверить в то, что эта тайна действительно существует. Но постепенно усилие веры оказывается вознаграждено, когда божественная тайна начинает сама открывать себя.

Так происходит со многими героями повести. Так происходит с Еленой – «захожанкой» с кольцом в носу, которая не поставив свечку «зашла», а ни много ни мало попала на Синай. Так происходит со старцем Адрианом, который даже на пустынном и неприступном Синае искал ещё большего уединения и поселился в скиту, – но которому Бог поручил наставить эту самую девушку с кольцом в носу и читать ей Книгу пророка Исаии. Когда-то Бог послал апостола Филиппа объяснить эфиопскому евнуху на пустынной дороге смысл пророчества Исаии (Деян. 8:26–39), – и это, возможно, был первый язычник, принявший Крещение; а теперь синайский старец в пустыне наставляет девушку, не знающую о Христе, но усиленно ищущую того, что ей неизвестно, – и кто знает, к чему это приведёт?

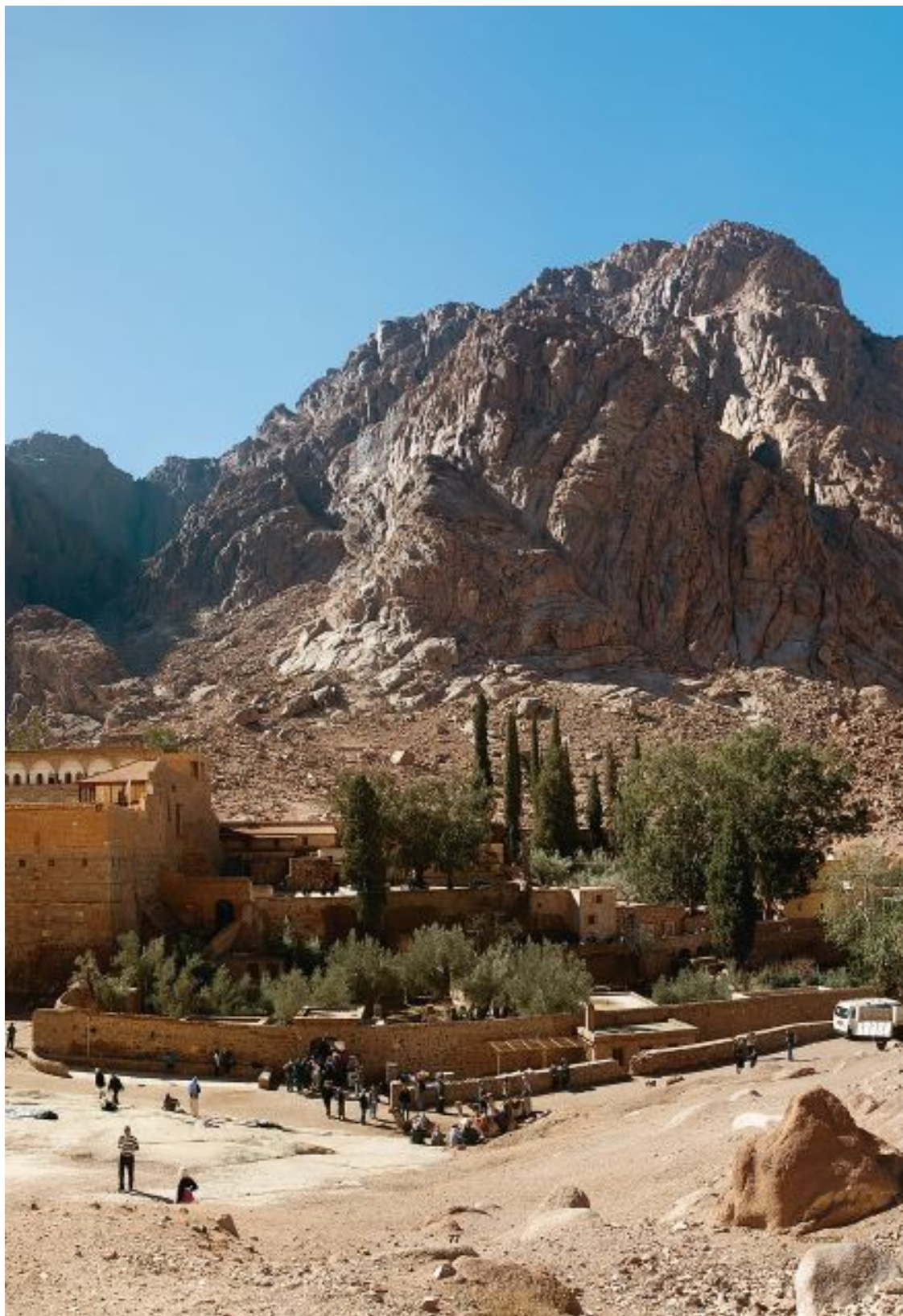
В последней главе книги Валерия Алфеева доводит эту мысль до логического предела: не только личность – это божественная тайна, но и каждое событие – это тайна, которая никогда не повторяется. Любое событие – это чудо, ибо для Бога нет разницы, творить ли что-то из ничего, менять естественный ход вещей или устраивать обстоятельства так, чтобы привести человека в изумление. И если это изумление пережито, то как хочется его удержать и как трудно это сделать! «Священный Синай» – это как раз опыт «схватывания» чуда. Повесть становится иконой неповторимого события, помогающей тем, кому трудно разглядеть божественные отсветы в событиях собственной жизни, и радующей тех, кто пережил нечто подобное.

Максим Калинин

Боже! Ты Бог мой!
Тебя от ранней зари ищущу я.
Тебя жаждет душа моя,
по Тебе томится плоть моя
в земле пустой, иссохшей

и безводной...
Псалом 62

Посвящая сыну – митрополиту Илариону

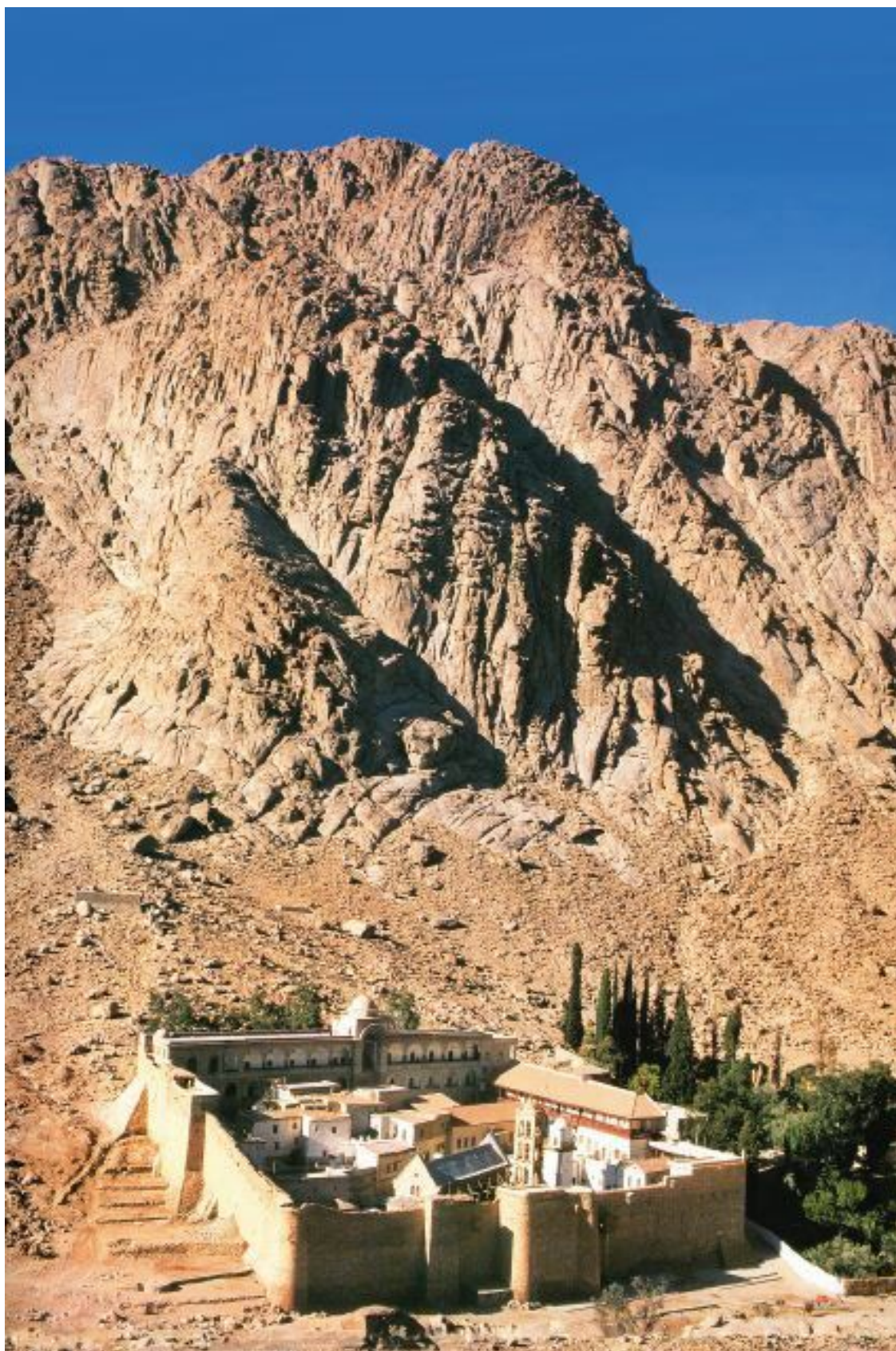
Боже! Ты Бог мой!
Тебя от ранней зари ищу я.
Тебя жаждет душа моя,
по Тебе томится плоть моя
в земле пустой, иссохшей
и безводной...

Псалом 62

Эйлат – Залив Акаба – Санта-Катарина

Господи, благослови меня донести свет Твой с Синая.

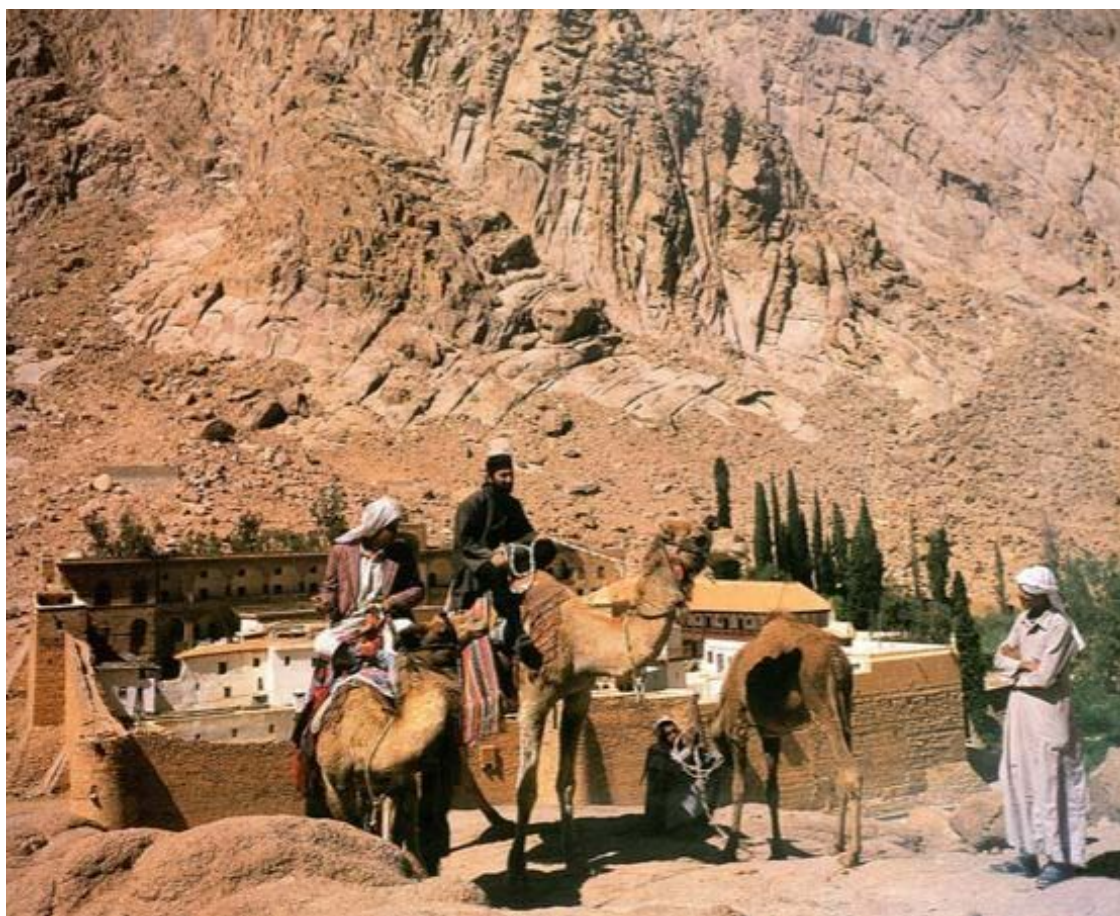
Просвети изнутри слова мои, как пронизывает солнце зеленую веточку Неопалимой Купины, когда я вижу на просвет резную ткань листа в золотых прожилках, и световая кайма обводит его края. Тонкий ствол в шипах, резной трилистник на черешке слева, трилистник справа, кверху они все мельче... Веточка неброско увенчана тремя листьями, и средний из них поднят, как лепесток огня на подсвечнике.

На корне этого Тернового Куста утверждён престол часовни. Над этим корнем – неповторимый в литургической жизни случай – совершается Божественная литургия. И когда монахи поют: «Осанна в вышних!», за окном алтаря виден зеленый куст, горящий и не сгорающий в евхаристическом огне уже семнадцать веков.

Так вот она, неведомая Каменистая Аравия – третья Палестина...

Справа от дороги поднимается багровая гряда гор и вершинами разрезает небо. Слева разлита глубокая синева Красного моря, неподвижная и матовая. Торжественная, безмолвная монотонность есть в пустынном пространстве, окрашенном в два ровных цвета багровый и синий – под чистой небесной голубизной.

С непривычной скоростью поглощает дорогу автобус, огибая длинную дугу залива. Безжизненные обрывы отступают один за другим, открывая новые безжизненные обрывы. Они напоминают разломы пирамид, выстроенных в ряд и расколотых от вершины до основания с такой силой, что передняя половина провалилась под землю.

В доисторические времена два гигантских разлома – с северо-востока и северо-запада – пересеклись в Красном море, вырезав между Азией и Африкой треугольник Синайского полуострова. Воды затопили оба разлома, создав на востоке залив Акаба, на западе – Суэцкий залив. Северная часть полуострова, находившаяся под водой, поднялась высоким плато Эт-Тих, обрывающимся к обоим заливам. Новые разломы избороздили твердь во всех направлениях, оставив глубокие скалистые ущелья – вадии, и лавины схлынувших вод пронесли по ним к берегам.

Автобус пришел с большим опозданием, зато, наверстывая упущенное, мчался с запретной скоростью. Я ехала стоя, отодвинув верхнее стекло. От резкого встречного ветра слезились глаза, но Красное море обрело прежнюю чистую синеву.

Влетели в узкое ущелье, надвинувшееся с обеих сторон темно-коричневым извилистым туннелем. Мелькали вдоль дороги щиты с крупными буквами: «Very dangerous curve» – «Очень опасный поворот», и, как наглядные пособия к тексту, валялись перевернутые машины, обгоревшие до сквозного проржавевшего остова.

Вырвавшись из теснины, долго ехали по бескрайней песчаной долине, покрытой лишь ветровой рябью и редкими кустиками тусклой полыни. Иногда над равниной вырастали одинокие деревца с распластанной, будто срезанной кроной, и взгляд провожал их, как нечаянную радость.

Ты переходишь некую границу – Израиля и Египта, земли и моря, – и вся твоя жизнь отодвигается, остается по ту сторону. По ту сторону границы осталось наше общее бытие, преддверие апокалипсиса, и вся неразрешенность, неутоленность и неисполненность твоей единственной судьбы перед Богом. И вот ничего больше нет – ты одна в мире, ты свободна, душа вырвалась из плена, как птица из сети, и парит в необозримом пространстве. Что ей в этом свечении моря? Что ей эта желтая песчаная река, протекающая в глубоком ущелье между обрывами, дымная зелень сухой полыни и синева небес? Почему не насытитесь око зрением, и все отзывается глубинным покоем, утолением давней жажды? Как будто полоса отчуждения между тобою и миром исчезла, душа собралась в одно напряженное созерцание, забыла себя перед великой монотонностью и великим многообразием пустыни. И наедине с простором творения она прозревает, насколько мир Божий больше всякого одного страдания, одной жизни, – и в этом есть утешение и надежда. Ты касаешься края ризы Господней, созерцание становится молитвой...

Проплывают мимо песчаниковые или известняковые плато, срезанные сверху по одной горизонтали и так причудливо изрезанные ливневыми потоками и выветренные, что издали они похожи на заброшенные города с кривыми улицами, домами за каменными оградами. И долго тянутся фантазмагорические покинутые кварталы, вдруг вырастая в два, три уровня, и над опустошенными городами словно поднимаются руины крепостей и замков, – это похоже на оставленную памятью прошедшую жизнь.

И на всем пути – из Иерусалима в Эйлат, потом Нувейбу, Дахаб, по пустыне – нарастает и нарастает напряжение, соединяет все звучащие струны в один звук имени – Санта-Катарина...

От последней остановки мои попутчики – европейцы и японцы с рюкзаками – повернули к муниципальному туристическому городку. А я двинулась к монастырю мимо каменной ограды, над которой поднимались тополя в зелени с ноябрьской желтизной.

Перед моим отъездом из Иерусалима русский иеромонах, бывавший на Синае, говорил, что прежде всего я должна взять благословение у архиепископа Дамиана. «Почему не у игумена?» – спросила я. Оказалось, что архиепископ Синая является и игуменом монастыря и, по пустынности окрестностей, в нем постоянно проживает.

Дорога шла снизу, и высокие стены монастыря в окружении еще более высоких гор выросли сразу.

Я остановилась осмотреться, когда меня догнал монах и спросил по-французски, может ли он мне помочь и откуда я. Лицо его показалось мне странно знакомым. Легко вскинув на плечо мою багажную сумку, он прошел в ограду и, прежде чем я успела спросить что-нибудь, взбежал по лестнице. Я поднялась к раскрытой двери, он жестом пригласил войти.

В небольшой зале с книжными стеллажами до потолка и зашторенными от солнца окнами горела люстра. Из боковой двери вышел невысокий седой монах в очках и простом черном подряснике. «Это Его Блаженство Дамиан, архиепископ Синайский, Фаранский и Раифский», – сказал мой проводник и, взяв благословение, покинул нас.

Архиепископ Дамиан

Я подошла под благословение. Владыка указал на обитое вишневым бархатом кресло за столиком и сел напротив.

– Вы из России? – мирно спросил он. – Что там теперь происходит?

Так неожиданно попав с дороги на высокий прием, я снова оказалась перед непосильным вопросом. Два последних месяца я провела на Кипре, потом в Горненском и Гефсиманском монастырях на Святой Земле, и там меня спрашивали о том же.

И мы заговорили о Церкви, оставшейся, как Ноев ковчег в потоке.

– А вы уехали оттуда... совсем?

– Нет, я через месяц туда вернусь.

– И что будете делать?

– Говорить о Боге.

– Да поможет Он вам... – сказал Владыка со спокойным вниманием. – У вас виза на две недели? Если не хватит, можно продлить... Зайдите завтра, составим вашу программу.

Высокий, сильно сутулящийся келейник лет двадцати принял мой багаж на плечо и ждал, глядя с доверчивой благожелательностью.

– Иоанн проводит вас... Предполагаете ли вы бывать на литургии?

– Это прежде всего.

– О'кей, в половине шестого утра вам будут открывать ворота...

Гостиница для православных женщин, родственниц монахов, размещалась возле монастыря; сейчас в ней жили четыре гречанки. Небольшой холл с мягкой мебелью, зеркала, светильники, выстеленные кафелем душевые, – для пустыни это казалось роскошью. Раньше здесь был пресс для оливок; дом перестроили, и потолок первого этажа разрезал окна: на мою комнату приходились их нижние половины, на второй этаж – верхние. Столик с лампой; кровать под длинношерстным верблюжьим одеялом...

Я поставила на стол образок Спасителя из афонского Хиландарского монастыря и с великой радостью поблагодарила Господа, устроившего все так чудесно.

В дверь постучали: египтянин Иосиф, посредник между монастырем и гостиницей, приглашал на трапезу.

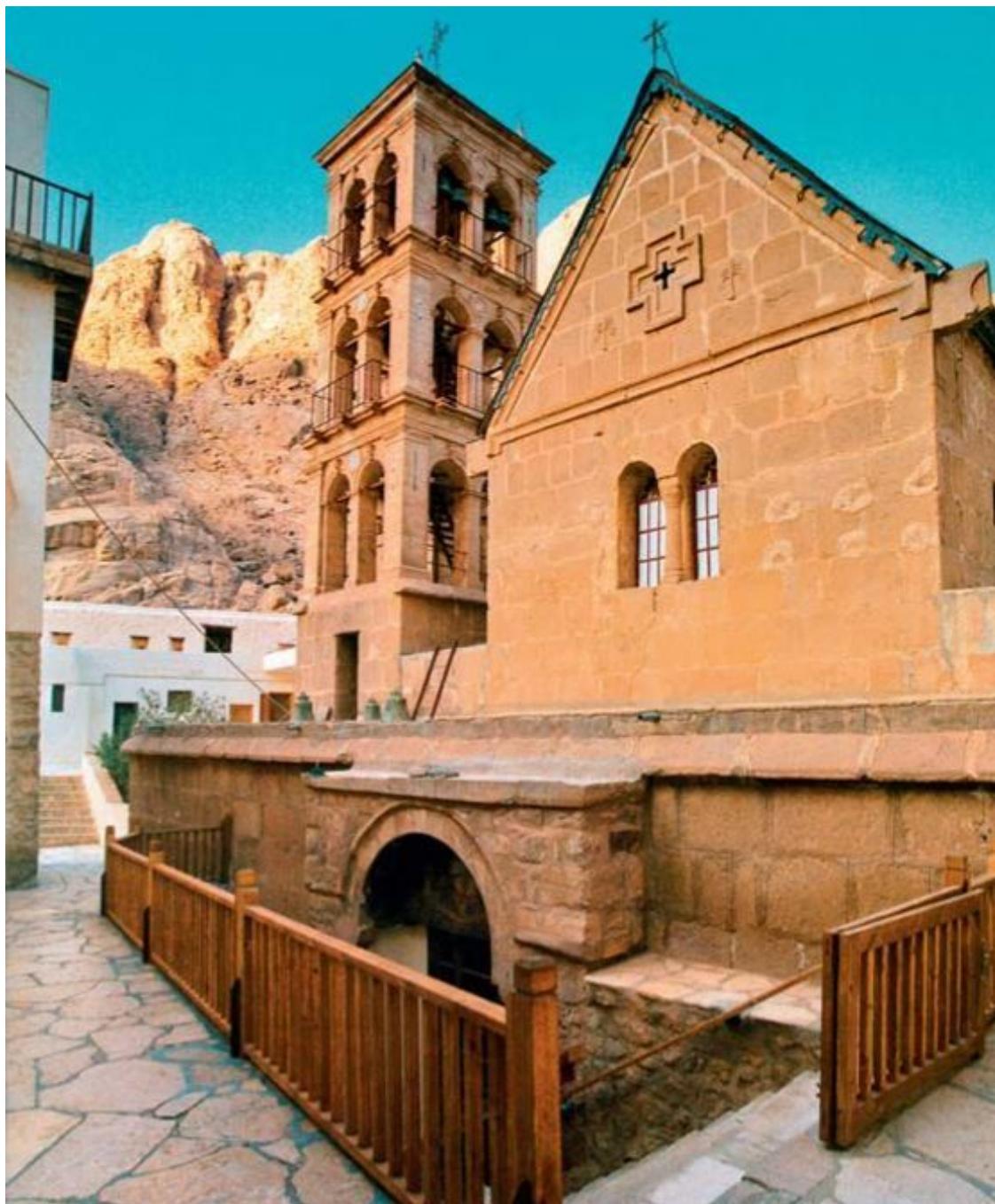
*Во храме Его все возвещает о Его славе.
(Псалом 28:9)*

Базилика Преображения

Вначале четвертого по монастырскому двору проходит монах с колотушкой: ритмизированный деревянный стук бодро созывает к вечерне.

Древняя, времен императора Юстиниана базилика Преображения, выстроенная из тесаных светлых гранитных блоков, через четырнадцать веков оказалась углубленной по отношению ко внешнему двору, и это скрывает ее истинные гигантские размеры.

Ко входу вниз ведут крутые ступени. А с площадки над ними удобно рассматривать западный фасад, фронтон под треугольным срезом крыши и сквозную прорезь креста на фронтоне, обведенную крестообразным рельефом. Две маленькие пальмы под поперечной перекладиной креста напоминают детский рисунок: шесть ветвей плоско развернуты, две нижние поникли от тяжести фиников.

Под фронтоном золотисто-коричневая плоскость стены оживляется двумя арочными окнами, разделенными столбиком с капителью. И крест, и деревца с райскими плодами, проросшими под его сенью, и свободные размеры шероховатых камней – все напоминает архитектуру так любимых мною древних грузинских храмов со строгостью внешнего убранства и сокровенной внутренней красотой. В этой праздничной простоте запечатлелись ясность и сила веры раннего христианства. Монах раскрыл дверь, деревянную, тяжелую, с резьбой в форме крестов, столь же древнюю, как стены, и я вступила в высокое пространство, подсвеченное разноцветными огоньками. Огромные узорные паникадила и множество серебряных, медных и хрустальных лампад спускаются с потолка на цепях – прежние паломники насчитывали их более пятидесяти. Позолоченные шары в середине каждого паникадила и с размахом вынесенные вокруг этих шаров подсвечники на изогнутых ветках, лампы – все светится бликами и отражениями огней, создавая мерцающий сквозящий свод. А потолок из ливанского кедра

выкрашен в синий цвет и расцвечен звездами, среди которых с наивной доверчивостью сияют круглые лики солнца и луны.

Монолитные гранитные колонны, по семь с обеих сторон, увенчаны резными коринфскими капителями и соединены арками; над ними сдвоенные окна, роняющие в храм косые столпы света. Многие путешественники вырезали на колоннах свои имена и гербы, теперь эта хроника минувших веков погребена под белой краской. Но по-прежнему на каждой колонне – икона с празднуемыми святыми месяца и внутри каждой колонны сокрыты мощи мучеников – на этих столпах и стоит церковь.

*Премудрость построила себе дом,
вытесала семь столбов его,*

*заколола жертву, растворила вино свое
и приготовила у себя трапезу; послала слуг своих
провозгласить с возвышенностей городских...*

*...Идите, ешьте хлеб мой,
и пейте вино, мною растворенное; оставьте
неразумие, и живите, и ходите
путем разума.*

Сколько раз слышала я это ликующее проповедание в паремиях праздников! Но слышит его только тот, кто уже вошел в храм. А кто провозглашает сейчас эту вечную мудрость с возвышенностей городских?

*Горе пастырям Израилевым,
которые пасли себя самих!
Не стадо ли должны пасти пастыри?*

*...И рассеялись овцы без пастыря и,
рассеявшись, сделались пищею
всякому зверю полевому.*

*Блуждают овцы Мои по всем горам
и по всякому высокому холму, и по всему лицу земли
рассеялись овцы Мои, и никто не разведывает
о них, и никто не ищет их.*

На вселенских панихидах плачет Церковь об убиенных чадах своих, но кто оплатит всех расхищенных, потерянных, потерявших бессмертную душу? Восстави, Господи, пастырей овец Твоих из страха и унижения безгласностью, изведи их из храмов на высокие площади и стены обесчещенных городов, чтобы слышали голос Твой погибающие блудные сыны и пришли в себя, и вспомнили, что есть дом, куда они могут вернуться. Там, в смертоносной зоне отречения – ненависть и безумие, дешевый балаган с раскрашенными масками пороков, дешевое короткое забытие и тяжелое пожизненное похмелье. А в храме Твоем, являющем образ преображенного мира, – жертвенная любовь нисходит в образах, словах, огне и духе Таинств:

*Примите, ядите, сие есть Тело Мое,
еже за вы ломимое во оставление грехов...
Пейте от нея вси, сия есть Кровь Моя
Новаго Завета, яже за вы и за многие
изливаемая во оставление грехов.*

Это нас, уставших, изверившихся, больных, злых и добрых, забывших о своем царственном достоинстве, созывает Господь на царский пир. Базилика – царский дом; и в этом доме Твоем, в храме Твоем все говорит о Твоей славе...

Главный неф отделяют от боковых два ряда стасидий, поставленных вдоль колонн. Хорошо стоять внутри этого высокого кресла с откидным сидением, опираясь на спинку с точеными столбиками и отполированными временем подлокотниками с шариками на концах. И как всегда, сразу же обретая равновесие, почувствовав себя защищенной, отъединенной для молитвы, будто в тесной и в то же время открытой храму келлейке, я с сожалением думаю о том, почему нет стасидий в русских храмах?

Может быть, афонские старцы потому и выдерживают уставные действительно всеобщие бдения, что есть десятки способов обрести равновесие внутри стасидии и – стоя, сидя или полусидя, опершись спиной, облокотившись – отдохнуть. Ибо «лучше сидя думать о Боге, чем стоя – о ногах», как говорил святитель Филарет Московский. Или мне возразят, что это особый, национальный вид подвижничества? Или у русских измученных бытом женщин больше сил, чем у православных греков? Нет этому оправдания, кроме, разве, той же всеобщей нашей неустроенности, привычной и потому возведенной в традицию. Даже теперь, когда уцелевшие после долгого нашествия неверных храмы возвращают народу, их мало, и мало в них места не только для стасидий, но и для стойких прихожан. И доживем ли мы до времени, когда в России места у Бога всем хватит?

Монах зажигает свечи на высоких подсвечниках перед царскими воротами: каждый подсвечник приподнят и утвержден на спинах трех медных львов, обративших головы кверху, к венцам из свечей. Их огни оживляют позолоту резного кипарисового иконостаса критского письма с небольшим рядом праздников верхнего яруса и огромным распятием над ним.

Справа у колонн возвышается трон архиепископа Синая, с великолепной резьбой по ореховому дереву и коленопреклоненными ангелами, поднимающими балдахин с куполком. Орел с раскрытыми крыльями поддерживает аналой, инкрустированный в восточном стиле...

Два монаха в рясах, склонив головы, стоят в стасидиях напротив меня. Третий у аналоя начал вечерню на недоступном мне греческом языке. Остальные стасидии, как и место игумена под навесом, пустуют. Но огромный храм заполнен этим негромким чтением, мерцающими огнями и отражениями, светлым сумраком, запахом росного ладана. Как разлитый вечеряющий свет здесь явно Твое таинственное присутствие, и благодатная сень покрывает иконы и аналои, огни, отражения, тени и все сливает в глубоком покое.

После вечерни мне хотелось обойти храм, рассмотреть иконы и, может быть, увидеть мозаику под сводом алтаря. Но уже закрывали двери, монах прошел с длинной палкой, и медным колпачком, поднятым на ее конце, потушил лампы. Погасли свечи, один за другим ушли монахи, а ощущение благодатной наполненности храма осталось...

Встретив эконома, я попросила разрешения подняться на колокольню. Выстроенная на двенадцать веков позже собора, трехъярусная, увенчанная куполом с крестом, она высоко возносится над острым коньком крыши храма. Из проемов сдвоенных арок, огражденных только сквозным барьером, открывается широкая панорама всех сторон света.

Рельефы на древних стенах базилики

И монастырь лежит, как на огромном макете. Глубоко внизу чернеют плиты мощеного двора, появляются черные фигуры монахов и цветные – арабов, работающих в монастыре. Пестреют черепичные крыши хозяйственных построек. Стиснутый со всех сторон крепостными стенами, монастырь разрастался внутрь самыми причудливыми формами и лабиринтами, так что плоские крыши нижних зданий служат двориками для верхних.

Тремя уступами ниспадает крыша базилики, выстеленная листовым свинцом: под самой высокой частью легко угадываются формы среднего нефа, обведенного колоннами; гораздо ниже – скат крыши над боковыми нефами; еще ниже – крыша над приделами, идущими вдоль стен.

Колодец Моисея. Синай. XIX в.

Сразу за храмом среди двора стоит дом с вынесенной наружу лесенкой и крылечком перед приемной Владыки на втором этаже. Вдоль всей западной стены по третьему этажу тянется галерея с деревянными столбиками и перилами, на которую выходят двери келлий для

приезжего духовенства и гостей монастыря. Еще выше, во всю длину южной стены поднимается новый каменный корпус с арками широкой крытой галереи, монашескими келлиями, библиотекой и госпиталем. Все эти старые и новые сооружения, принадлежащие разным стилям и тысячелетиям – с разницей между базиликой и новым корпусом в четырнадцать веков, – столпившиеся в ограде, объединяются ею в некую целостность, как мозаика из разных материалов.

А в нескольких шагах от основания колокольни, под аркой – колодец Моисея. Бежав из Египта и проделав в одиночку тот путь, по которому он потом поведет народ израильский, он пришел в землю Мадямскую и сел у колодца, потому что в пустыне колодец – это то место, где можно встретить людей. И Господь выслал ему навстречу семерых дочерей священника Мадямского, пришедших напоить овец. Колодец еще тысячелетия на два древнее храма, и его глубинные подземные воды по трубам поступают в монастырь, напоая его, орошая и омывая, как ветхозаветные глубины питают тексты и образы Нового Завета.

За крепостными стенами на юге полого нисходит в долину растрескавшийся склон Хорива, покрытый густой лиловой тенью. От восточной стены по склонам гор поднимается дорога на Хорив-Синай. С севера заслоняет небо Джебель-Деир – Монастырская гора, или гора Святой Епистимии, с еще озаренными гребнями и крутыми обрывами, – скалы ополчились окрест, защищая от пустыни оазис жизни преизбыточествующей.

Пока я поднималась по лестнице на верхний ярус, что-то знакомое улавливалось боковым зрением, и переведя взгляд из горной дали на ближайший предмет, я обнаружила старинный русский шрифт по краю колокола: «...усердием Павлы Ивановны». Обойдя по кругу огромный бронзовый позеленевший колокол, прочитала и всю строку: «Вылит сей колокол в Москве на заводе Димитрия Самгина. Весу 24 пуда». И ниже, помельче: «1870 года июня 27 дня в Синайскую обитель ко храму Св. Великомученицы Екатерины усердием Павлы Ивановны Моисеевой». Другой колокол, весом в 12 пудов, отлит на том же заводе «старанием Стефана».

Кругами обошла я девять больших и малых колоколов, и совсем нечаянную радость доставила мне встреча с «почетным гражданином Иваном Ивановичем Рыжовым» из Харькова, бесфамильными Даниилом, Михаилом и Феодосией, Агнией и Марией, купно помянутыми за здравие и за упокой.

Русские колокола, иногда доставленные волоком, на руках усердных богомольцев, озвучивают благовестом Святую землю. Но трудно представить, как эти двенадцатипудовые колокола прибыли за тысячи верст на Синай, как везли их по железной дороге, потом на пароходе... А дальше, от Эль-Тора, последнего порта на Суэцком канале, по песчаной пустыне, по горным ущельям...

Помяни Ты Сам, Господи, названных и безымянных, почетных и бесфамильных соотечественников моих, прошедших под зноем аравийского солнца, с опасностями от сарацинов, с запасом черных сухарей, с жаждой приблизиться к Тебе этим путем, узким и каменистым, с радостью о благовесте Твоем в дальней чужой земле...

Сделай так, чтобы теперь они снова услышали его на всей своей земле.

*Сними обувь твою с ног твоих, ибо место,
на котором ты стоишь, есть земля святая.
(Исход 3:5)*

Неопалимая Купина

После литургии отец Михаил, секретарь монастыря, проводит меня по безмолвному и погасшему храму.

План базилики был бы вполне традиционным: прямоугольник с выступом алтарной апсиды и пятью изолированными приделами вдоль каждой стены. Но два из них – святого Иакова, брата Господня, и Сорока синайских и раифских мучеников – выдвинуты на восток дальше, чем главный алтарь, и соединены полукруглым выступом еще одной апсиды. Из придела Сорока мучеников мы подходим к этому внутреннему алтарю за главным алтарем, сокровенному, как Святое Святых древнего Иерусалимского храма, куда только раз в год входил первосвященник.

Страшно переступить порог и войти в соприкосновение с одним из событий, определивших Священную историю человечества.

На иконе над входом Моисей снимает сандалии перед Неопалимой Купиной.

Однажды провел он стадо далеко в пустыню, и пришел к горе Божией Хориву.

И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста.

И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает

Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает.

Явлением вечности разрывается медленнотекущий поток времени – Бог рассекает его жезлом Своим, чтобы направить в новое русло. Но пока это скрыто от Моисея, он хочет только рассмотреть таинственное явление.

И каждый иконописец по-своему пытается его разгадать.

Куст горит длинными огненными лентами, какие бывают от горящего красного дерева или сухой туи. На другой иконе того же XIII века, перед которой мы остановились раньше, ветки и листья Терновника у ног Моисея просвечивают изнутри золотым огнем, окруженным огнем красным, будто бы меньшего накала. На мозаичном изображении на парусе стены перед сводом главного алтаря темная зелень куста расцвечена яркими вспышками, красными, золотыми, фиолетовыми. И это напоминает рассказ очевидца о том, как сходит Священный Огонь в Великую субботу на Гроб Господень, мраморная плита покрывается белыми и голубыми искрами, еще не обжигающими, и патриарх Иерусалимский собирает их ладонями и зажигает первый пучок пасхальных свечей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.